

RU

Аналоги пассивного залога и эргативности в китайском и русском языках (с учётом опыта коммуникации в языковой среде гоюй)

Курдюмов В. А.

Аннотация. Цель исследования – выявить в китайском (топиковом) и русском (подлежащем) языках наиболее типичные способы грамматического выражения пассивизации (построения конструкций, подобных или эквивалентных базовым в языках эргативной типологии). Научная новизна: в контексте топиковой типологии языков, сравнения с широким спектром семантически и прагматически подобных конструкций русского языка, с привлечением данных об эргативности, анализом трудов современных, в том числе и тайваньских, авторов тема выражения отношений пассивизации в китайском языке раскрывается впервые. Показано и обосновано, что часто усваиваемый как безальтернативный способ выражения пассива при помощи предлога 被 /bèi/ является далеко не единственным и типологически маргинальным, проанализирован широкий спектр конструкций, подобных эргативным, в китайском и русском языках. В результате выявлено: в китайском языке («языке описания», не требующем постоянной имитации деятеля и действия) семантике и прагматике пассива в реальности более соответствуют топиковые конструкции, не требующие формализации и маркеров, в русском языке («языке банальной метафоры») – широкий спектр возвратных, безличных, неопределённо-личных и обобщённо-личных конструкций.

EN

Analogue of the passive voice and ergativity in the Chinese and Russian languages (taking into account the experience of communication in the Guoyu linguistic environment)

Kurdyumov V. A.

Abstract. The aim of the research is to identify the most typical grammatical means of expressing passivisation (building constructions similar to or equivalent to the basic ones in ergative typology languages) in the Chinese (topic-prominent) and Russian (subject-prominent) languages. The scientific novelty lies in the revealing of the manifestation of passivisation in Chinese language in the context of topic-prominent typology of languages, by comparison with the variety of semantically and pragmatically similar constructions in the Russian language, and attracting the data on ergativity and on the analysis of contemporary works of Taiwanese scientists. It is demonstrated and justified that the commonly learned method of expressing the passive voice with the preposition 被 /bèi/ is far from being the only and typologically marginal way. A wide range of ergative-like constructions in the Chinese and Russian languages has been analysed. As a result, it has been revealed that in the Chinese language as a “descriptive language” without constant imitation of the agent and action, topic constructions do not require formalisation and markers and actually correspond more to the semantics and pragmatics of the passive. In the Russian language as a “language of banal metaphor”, a wide range of reflexive, impersonal, indefinite-personal, and generic-personal constructions are used.

Введение

Рассматривается теоретическая проблема: если прагматика ситуации требует конструкций, где предсказуемым компонентом (топиком, подлежащим) будет пациент (то, на что направлено действие), то какие варианты будут типичными/предпочтительными в языках разных типов (в частности, в топиковом китайском и подлежащем русском). Более узкая постановка проблемы: каким образом наиболее естественно выразить

пассивизацию / эквивалент пассивизации в китайском языке (КЯ), какие ложные аналогии с русским языком (РЯ) следует выявить и описать. Теоретический аспект неизбежно связан с прикладным: как наиболее системно, ёмко и понятно изложить данную тему в учебниках КЯ для русскоязычной аудитории, при том что большинство современных изданий уже не базируются на «грамматических» принципах, следовательно, актуальность и перспективность исследования заключаются в необходимости создания теоретической (лингвистической) базы для дальнейшего использования в учебном процессе.

Задачи автора статьи – проанализировав наиболее важные источники, системно объединить подходы и представления, которые обычно стараются разделять, показать на типичных элементарных примерах специфику тех или иных категорий, в том числе исходя из опыта автора – как многолетнего (более 30 лет) изучения и преподавания китайского языка, так и повседневного общения на языке гоюй (варианте, принятом на острове Тайвань).

Методы исследования: анализ наиболее значимых научных трудов, сравнение – как концептуальных подходов к проблеме, так и в плане соответствия практике реальной повседневной коммуникации, сопоставление – топиковых и формализованных пассивных (подобных эргативным) конструкций, обобщение и синтез – основных точек зрения на проблему, описание – наиболее типичных способов и форм выражения отношений пассивизации и прагматически подобных – в китайском и русском языках и с опорой на опыт общения в России и на Тайване.

Источники иллюстративного материала – примеры из научных и учебных трудов, изданных на Тайване и (частично) в континентальном Китае, а также в Китае до 1949 г., наш личный архив.

Теоретической базой исследования послужили как классические, так и современные работы, где данная тема излагается наиболее последовательно. Наряду с классическими системными обобщениями: грамматика Ли Цзинь-си 1924 г. (黎錦熙, 1924), один из вариантов «Грамматики» Ван Ли (Ван Ляо-и, 1954) 1946 г., переведённый на русский язык в 1950-е гг., грамматика Чжао Юань-жэня (Chao, 1968), известная статья Ч. Ли и С. Томпсон 1976 г. (русский перевод (Ли, Томпсон, 1982)), их же грамматика 1981 г. (Li, Thompson, 2018), грамматический учебник Т. П. Задоевко и Хуан Шуин (1993; 2002) 1977 г. и 1986 г. (о концепции этой книги см. в предисловии (Курдюмов, 2002)), использованы широко известные на Тайване современные источники: грамматики Ип По-чина и Дона Риммингтона (Yip, Rimmington, 2015), Лю Цзин-и (劉靜宜, 2019), Цюй Чэн-си (屈承熹, 2010), Дэн Шоу-синя (當代中文語法點全集, 2019), Шу Чжао-миня (舒兆民, 2021), а также статья Эндриу Чжуана и Ян Хаожаня об особенностях и экспрессивном потенциале предлога 被 /bèi/ на основе экспериментальных данных (Chuang, Yang, 2022), главы из нашей собственной грамматики 2005-2006 гг. (Курдюмов, 2005) и монографии (Курдюмов, 1999). Описывая особенности тайваньского языка (региолекта) гоюй, мы опирались на труды З. Г. Прошиной (Proshina, Nelson, 2020), Хэ Вань-шуня (何萬順, 2010), Тан Мэн Вэй (2019; 2020), наши собственные (Курдюмов, 2021). Также привлечены труды по теории эргативности – в той степени, насколько это необходимо в контексте анализа КЯ (Navas, 2009; Курилович, 1946; Климов, 2016). Описание «банальной» метафоры, спонтанной речи излагается в соответствии с нашей собственной концепцией (Курдюмов, 2007; 2023).

Практическая значимость: обобщая и систематизируя научные представления, мы формируем концептуальную основу данной темы, которая впоследствии может быть использована в новых поколениях учебных и научных материалов. Результаты также могут найти применение в вузовских курсах общей теории языка, сравнительной типологии, теории перевода, на занятиях по практическому переводу.

Обсуждение и результаты

Данная тема уже затрагивалась в нашей «Грамматике...» (глава «Позиция глагола и производные» (Курдюмов, 2005, с. 283-287, 395)), где перечислены основные способы выражения пассивных отношений, однако теоретическому обоснованию было уделено не так много места (поскольку планировалось создать отдельный «Синтаксис китайского языка»), при этом проблема противопоставления типологий «действие-деятель» / «описываемое-описывающее» и «банальной метафоры» тогда ещё не была в центре нашего внимания, и, кроме того, в тот период мы не соприкасались с повседневной практикой живого общения на региолектах китайского языка. Материал же данной статьи основан на многолетнем опыте общения и преподавания на тайваньском языке гоюй – региолекте КЯ (о региолектах см. работу (Proshina, Nelson, 2020)), включая устную, письменную формы, переписку в мессенджерах (подробнее об особенностях гоюй и его отличиях от континентального путунхуа см. в следующих публикациях (Курдюмов, 2021; Тан Мэн Вэй, 2019; 2020; 何萬順, 2010)). Кроме того, нами был прочитан (на языках русском и гоюй) курс сравнительной типологии китайского и русского языков, аудитория – российские студенты и преподаватели КЯ, студенты и магистранты 國立政治大學 Государственного университета Чжэнчжи (Тайбэй, Тайвань). Одной из целей курса была теоретическая подготовка студентов факультета славистики Чжэнчжи к возможной карьере преподавателей КЯ за рубежом (и преодоление разрыва в представлениях о языке/языкознании типичного слависта, типичного китайиста и специалиста по общему языкознанию – поскольку одна из основных проблем – автоматическое и часто неосознанное перенесение категорий русского языка на китайский, а категорий русистики – на языкознание китайское).

Образовательный бэкграунд и лингвистическая теория. В настоящее время большинство учебников китайского языка (КЯ), используемых в странах бывшего СССР, являются «коммуникативными» (обычно это переводные материалы, базирующиеся на учебниках из КНР), в отличие от позднесоветского периода, когда базовыми считались отечественные издания, где системно излагалась грамматика (сознательно-практические) (Курдюмов, 2002). Серия вариантов учебника Т. П. Задоевко и Хуан Шуин (1993; 2002) (видимо,

безальтернативных в 1970-1980-е гг.) базировалась на сознательно-практическом методе: правила объяснялись, были основой каждого урока и предлагались к запоминанию при помощи упражнений, при этом разные варианты учебника были рассчитаны на усвоение грамматики простого предложения в период от одного до двух лет обучения. В настоящее время теоретический аспект всецело зависит от ответственности и компетентности обучающего, при этом как число преподавателей, так и форм преподавания КЯ стремится к бесконечности (и хаосу, учитывая нынешнюю «китайскую лихорадку» 漢語熱 – стремление тотально вводить курсы КЯ и создавать кафедры – в странах бывшего СССР). Иными словами, у участников учебного процесса чаще всего не складывается целостное представление о данном аспекте грамматики. Кроме того, в большинстве случаев обучаемые интуитивно (и необоснованно) трактуют такие конструкции как буквально соответствующие русским возвратным и подобным им, а становясь преподавателями, транслируют такую точку зрения уже следующему поколению, не вдумываясь в лингвистические обоснования. Преподаватели-носители, не знакомые с РЯ или принципами типологии (или, наоборот, индоктринированные догматическим пониманием русистики), также не в состоянии последовательно сравнить семантически и прагматически подобные конструкции в двух языках. Современным студентам (и, часто, преподавателям) свойственны: упрощённость и отсутствие научного понимания активного и пассивного строя предложения (и языка), незнание теории номинативного и эргативного строя.

При описании флективных языков (русского, английского и т. п.) чаще всего говорится о пассивном залоге как форме, морфологической категории глагола (обычно: страдательном причастии).

Исходя из наших представлений, пассивную конструкцию можно определить как ту, где в центре описания (как предикцируемый компонент, «подлежащее») находится пациенс (объект действия), он маркирован теми или иными (к примеру, падежными или эквивалентными им предложными, послеложными и т. п.) показателями, при этом формы глагола: синтетические, аналитические (или и те, и другие) – адаптированы для такого строя предложения. В т. н. языках номинативного строя пассивные конструкции описываются как инвертированные или «вторичные» по отношению к активному типу предложения, в котором в качестве подлежащего в сопровождении типичных глагольных форм глагола предикцируется агенс (субъект). Таким образом, активными (主動句) предложениями будут следующие эквивалентные по смыслу примеры с порядком единиц SVO:

- Я разбил мамину вазу.
- 我摔破了媽媽的花瓶。/Wǒ shuāi pò le mā mā de huā píng/

Пассивными эквивалентами (被動句) станут предложения:

- Мною разбита мамаина ваза.
- 媽媽的花瓶被我摔破了。/Māmā de huā píng bèi wǒ shuāi pò le/

В русском варианте пассив формализуется при помощи страдательного причастия прошедшего времени (синтетически), подобно «модельному» английскому *My mother's vase was broken by me*, считается также, что и в русском варианте подразумевается связка.

В китайском варианте пассивная форма предложения маркируется предлогом 被 /bèi/ перед местоимением 我 /wǒ/ я: 被我 /bèi wǒ/... ≈ «...мною», при этом связка не употребляется и не подразумевается, а также – (полу)суффиксом совершенного вида глагола 了 /le/ (который присутствует и в активной конструкции: и там, и там он необходим, если говорится о завершении действия и нет иных маркеров). Напомним также, что в (пост)советской традиции 了 /le/ обычно рассматривается как суффикс глагола, а в ряде китайских континентальных и тайваньских источников – как 動態助詞 /dòngtài zhùcí/ аспектная частица (劉靜宜, 2019, с. 13-14). Если же 被 /bèi/ маркирует глагол (без вербализации агенса), то в таких ситуациях, видимо, его следует считать перешедшим в препозитивную частицу или (потенциальный) префикс глагола: 花瓶被摔破了 /Huā píng bèi shuāi pò le/ *Чашка разбита* (к примеру, Ван Ли использовал термин «вспомогательный глагол» (Ван Ляо-и, 1954), что также вполне обоснованно – любой предлог КЯ находится в диапазоне «глагол – предлог» (Курдюмов, 2005, с. 363-364)). Повторим, если так или иначе изучается грамматика, конструкции с предлогом 被 /bèi/ чаще всего остаются в памяти студента как единственно возможные или предпочтительные.

Однако, как мы отметили выше, в языках условно активного строя, к которым относят китайский, русский и английский, формализованные пассивные конструкции более маркированы по отношению к активным, и они более свойственны литературной, научной, нежели разговорной речи. Кроме того, в РЯ для передачи «пассивных» ситуаций/ракурсов общения часто используются предложения типа *Мамина ваза разбилась* (где нет причастия), а в КЯ: 花瓶摔破了 /Huā píng shuāi pò le/ *Вазу разбили*, 電梯修好了 /Diàn tī xiū hǎo le/ *Лифт отремонтировали* и т. д. – без показателя 被 /bèi/ и с топиковой структурой. Кроме маркера 被 /bèi/ могут использоваться синонимичные ему 給 /gěi/, 讓 /ràng/, 叫 /jiào/, 由 /yóu/, 為 /wéi/, 所 /suǒ/ и др.

Рассмотрим историю изучения таких конструкций. В классической грамматике (1924) Ли Цзинь-си описываются 內動詞 /nèi dòng cí/ «внутренние» (непереходные) и 外動詞 /wài dòng cí/ «внешние» (переходные) глаголы, отмечается, что лишь «внешние» могут сочетаться с 被 /bèi/ (黎錦熙, 1924, с. 15). «Пассивные формы внешних глаголов» описываются в разделах 35-36 (黎錦熙, 1924, с. 41-45). Примечательно, что в начале раздела автор рассуждает о предложениях типа (в современном, и в нашем в частности, понимании – топиковых) 這本書, 已經送給張先生了 *Эта книга | уже подарили г-ну Чжану*, отмечая, что порядок компонентов сохраняется как обычно (подлежащее + сказуемое + дополнение), глагол же при этом переходит в «пассивную форму» (被動式) (黎錦熙, 1924, с. 42). Говорится о том, что пассивная форма может маркироваться 被 /bèi/ (также 由 /yóu/, 挨 /āi/, 見 /jiàn/, 為 /wéi/ и другими), про оттенок напрямую не упоминается, хотя все примеры иллюстрируют именно негативный для описываемого характер действия: 這話見笑得很 *Эти слова очень смешны* (見+笑 пассив –

от глагола *видеть* + *смеяться*), 德國被協約國打敗了 / 德國為協約國所敗 *Германия разгромлена Антантой* (黎錦熙, 1924, с. 43-44). Кроме того, в разделе 36 описываются «пассивные формы второго типа», где путём добавления односложного наречия типа 可 /kě/, 真 /zhēn/, 好 /hǎo/ или постпозитивного компонента позиция глагола (в нашей терминологии) переходит в условную позицию причастия: 這本書可愛 *Эта книга мила*, 那件事情真好笑 *Тот случай смешон*, 果子吃不得 *Фрукты есть невозможно* (黎錦熙, 1924, с. 44-45).

Ван Ли (Ван Ляо-и) в «Основах китайской грамматики» отмечал, что пассивная конструкция с 被/bèi/ «всегда означает нечто неприятное или неожиданное, например несчастье, обиду, что-нибудь такое, что невыгодно для лица, обозначенного подлежащим, или приносило бы ему вред» (1954, с. 130): 我們被人欺負了 *Мы были обижены (людьми)*, 老太太也被風吹病了 *Старую госпожу тоже продуло ветром*. Далее он указывает, что возможны конструкции без предлога («если нет необходимости или возможности указать, от кого исходит действие» (Ван Ляо-и, 1954, с. 131)): 兩個人人都該罰 *Вы оба должны быть оштрафованы*, 這老貨已經問了罪 *Эта старая негодяйка уже осуждена* – и добавляет, что под влиянием западных языков многие носители КЯ тем не менее пытаются формализовать такие предложения, добавляя 被/bèi/, что выглядит неестественно (равно как и сейчас).

Т. П. Задоевко и Хуан Шуин (2002, с. 535-537) отмечали, что типичным способом выражения пассива являются предложения, не отличающиеся (по «внешнему» порядку единиц) от предложений активного строя и где подлежащее выражает не субъект, а объект: 文章寫完了 *Статья написана*, 計劃完成了 *План выполнен*. Далее авторы перечислили ряд «служебных слов», которые могут маркировать пассив: 被/bèi/, 讓/ràng/, 叫/jiào/, отмечая, что лишь 被/bèi/ может сочетаться напрямую с глаголом. Т. П. Задоевко и Хуан Шуин также указывали, что 被/bèi/ «употребляется, как правило, в тех случаях, когда речь идёт о чём-то нежелательном, неприятном, наносящем ущерб» (2002, с. 536): 我們的衣服都被雨淋濕了 *Наша одежда промокла от дождя (промочена дождём)*. Про аналогичный в ряде случаев предлог («вспомогательный глагол», полупрефикс) 給/gěi/ авторы не упоминали, хотя в 1970-1980 гг. в Москве широко применялись сингапурские учебные материалы, где эта единица использовалась повсеместно: 有一隻小羊在河邊喝水, 突然給狼看到了 *Маленький барашек пил воду на берегу реки и внезапно был увиден волком*.

В нашей грамматике мы рассматривали предельно возможный спектр формализации пассивных отношений: беспредложный, с предлогами 被/bèi/, 給/gěi/, 讓/ràng/, 叫/jiào/, с письменными предлогами 由/yóu/, 為/wéi/, 所/suǒ/, двойные выделительные конструкции с предлогом и подчёркивающим маркером типа 被(讓)...給/bèi(ràng)...gěi/, 由(為)...所/yóu(wéi)...suǒ/ (Курдюмов, 2005, с. 283-284), типа 小孩子被蚊子給咬了以後應該做些什麼呢? *А что нужно делать после того, как ребёнок укушен комаром?*

Мы рассматривали также конструкции со связкой 是/shì/ и атрибутивной частицей 的/de/, которые (лишь!) внешне подобны «модельным» английским: 這篇文章是我寫的 *Эта статья написана мною*, 人不是鐵打的 *Люди не из железа выкованы*; они безусловно, возможны (Курдюмов, 2005, с. 284), при этом частица «внешне» переводит глагол в позицию (причастия) прошедшего времени (о позиционной морфологии см. в нашей «Грамматике...» (Курдюмов, 2005, с. 141-202)), однако, как и в некоторых подобных ситуациях, связка более маркирует не грамматику пассива, а выделение агенса, т. е. оттенок «именно кем, чем». Фактически это те же топиковые конструкции, поскольку связка (в данном случае – выделитель) 是/shì/ не имеет глагольной этимологии (Курдюмов, 2023, с. 32-33) и не может рассматриваться как глагольная в синхронии (вопреки пространённым заблуждениям).

В грамматике Ип По-чина и Дона Риммингтона рассматриваются три вида пассива: «условный» (notional), «формальный» (formal) и «лексический» (lexical). «Условный» представлен уже упомянутыми беспредложными конструкциями: 問題解決了 *Вопрос решён*, формальный выделяется «маркерами» типа 被/bèi/: 問題終被解決 *Вопрос в конце концов решён*, лексический – где глагол действия переходит в именную позицию и сопровождается пустым глаголом: 問題得到解決 *Вопрос получил решение* (Yip, Rimmington, 2015, p. 209). Авторы отмечают, что условный пассив – наиболее распространённая форма пассивного залога в КЯ и обычно употребляется как объясняющий комментарий к ситуации (explanatory comment on a situation) (Yip, Rimmington, 2015, p. 210-211).

Эндрю Чжуан и Ян Хаожань отмечают, что пассивные отношения в современном КЯ могут оформляться «лексическими маркерами» 被/bèi/, 給/gěi/, 讓/ràng/, 叫/jiào/, 挨/ai/, 受/shòu/, при этом 被/bèi/ – «наиболее заметный» (the most salient); упоминается, что с середины прошлого века принято считать, что 被/bèi/ маркирует негативный оттенок, тем не менее необходимость перевода с западных языков большого массива специальных текстов приводит к нейтральности этого маркера (Chuang, Yang, 2022, p. 357-358, 360-361), хотя в норме КЯ не нуждается в выраженных морфосинтаксических показателях для пассивизации события – в силу топикового характера языка (Chuang, Yang, 2022, p. 358). При этом избыточное, «добавочное» употребление 被/bèi/ может свидетельствовать об иронии: 他被自殺了 *Его самоубили* / Он (был) самоубит, 他被失蹤了 *Его исчезли* – применительно к текущим коррупционным скандалам в континентальном Китае (Chuang, Yang, 2022, p. 361, 372-373), аналогично русскому *Его ушли (с должности)*. Негативный оттенок может переходить в иронический и в более «общих» ситуациях, что тем не менее, согласно опросу респондентов, неодинаково оценивается слушающими: 王被投資了五百萬 *Ваном вложено в бизнес пять миллионов* vs. 王被投資了五百萬 *Ван был принуждён вложить в бизнес пять миллионов* (маркер подчёркивает воздействие) (Chuang, Yang, 2022, p. 370).

Классики «топикового» подхода (базовая формулировка: КЯ относится к языкам с выдвижением топика) Чжао Юань-жэнь, Ч. Ли и С. Томпсон отмечали, что поскольку основной тип синтаксической структуры

в КЯ – топик – комментарий, то в силу безразличности этой структуры к противопоставлению «субъект – объект» такой язык в норме не нуждается в маркировании «пассивных» отношений при помощи специальных показателей. Чжао Юань-жэнь писал, что говорящий может выразить отношение к «направлению действия» при помощи 把 /bǎ/ и 被 /bèi/ (действие outward «от», «наружу» и inward «к», «внутри»), но в норме достаточной структуры с топиком, таким образом, 魚吃了 может означать и *Рыба съела / Рыба поела*, и *Рыба съедена / Рыбу поели* (Chao, 1968, p. 98). Так же как и остальные авторы, Чжао Юань-жэнь отмечал, что 被 /bèi/ маркирует нечто нежелательное, но копирование английской речи в ситуациях, требующих формализации, может такой оттенок нейтрализовать: 那封信沒被他收到 *То письмо им не получено* (говорящий относится к описываемому отстранённо, нейтрально, официально и выражает отношение подчеркнуто канцелярским стилем), что в обычной речи эквивалентно предложениям без 被 /bèi/: 那封信|他沒收到 *То письмо | он не получил* (топик – комментарий) или 那封信|沒收到 *То письмо | не получено (не получили)* (Chao, 1968, p. 711) (топик – комментарий = «условный пассив» в терминологии других авторов).

Ч. Ли и С. Томпсон в известной статье 1976 г. писали: «Пассивная конструкция обычна в языках типа ВП <с выдвижением подлежащего>, в языках типа ВТ <с выдвижением топика>, напротив, либо пассивизация вообще не встречается (как в языках лаху и лису), либо обнаруживается как маргинальная конструкция, редко встречаемая в речи (например, в КЯ)...» (1982, с. 205).

В главе 16 грамматики Ч. Ли и С. Томпсон 1981 г. (Li, Thompson, 2018, p. 492-508) как формализованные пассивные (т. е. с маркером) приводятся конструкции с 被 /bèi/; авторы отмечают, что в таких предложениях описывается «неблагоприятная» (adverse) ситуация (Li, Thompson, 2018, p. 493): 他常常被他太太打 *Его часто бьёт его жена* (букв. он + часто + 被 /bèi/ + жена + бить) (Li, Thompson, 2018, p. 495). Маркеры 讓 /ràng/, 叫 /jiào/, 給 /gěi/ рассматриваются достаточно кратко (Li, Thompson, 2018, p. 507-508): 他把你們的前程給耽誤了 *Им разрушено ваше будущее*.

В «Функционально-дискурсивной грамматике» Цюй Чэн-си как формализованные пассивные описываются лишь конструкции с 被 /bèi/ (屈承熹, 2010, с. 250-257), также отмечается, что этот предлог маркирует ситуацию негатива или принуждения: 神經李博士曾經翻譯成中文 *Библия переведена на китайский доктором Ли* (предлога нет, и, с нашей точки зрения, это топиковая конструкция) vs. 整個城市都被敵人燒光了 *Весь город сожжён врагом дотла* (屈承熹, 2010, с. 253). В то же время как нейтральные могут рассматриваться предложения типа 我的書被世界出版社出版了 *Моя книга издана в мировых издательствах* (屈承熹, 2010, с. 252), хотя некоторые могут воспринять предлог как указание на негатив и считать подобные фразы грамматически недопустимыми (с нашей точки зрения, скорее, эмоциональная реакция на негатив возможной предыдущей реплики или контекста).

В широко распространённом на Тайване справочнике под редакцией Дэн Шоу-синя рассматривается лишь маркер 被 /bèi/, также отмечается, что предложения с ним маркируют нечто «нерадостное» (當代中文語法點全集, 2019, с. 14-16).

Шу Чжао-минь отмечает, что предложения «пассивного залога» (被動句) могут быть и «смысловыми» (意義上的), т. е. без маркера: 今天的報紙放在哪兒了? *Куда положили сегодняшнюю газету?*, а маркер ставится там, где необходимо подчеркнуть нечто «нерадостное» или воздействие-жертвование (表示不愉快或受捐): 我被他嚇壞了 *Я испуган им = Он меня напугал* (舒兆民, 2021, с. 191-192).

Лю Цзин-и (劉靜宜, 2019, с. 180-184) упоминает маркеры 被 /bèi/, 讓 /ràng/, 叫 /jiào/, 給 /gěi/, но в основном рассматривает примеры с 被 /bèi/. Отмечается негативный оттенок 被 /bèi/, связанные с этим типичные ошибки (病句) иностранцев (вместо 我的作業還沒寫完: *作業還沒被我寫完 *Мною ещё не выполнена домашняя работа*), анализируются примеры с двумя маркерами: 我們沒有被困難所嚇倒 *Мы не испуганы трудностями*, 麵包早就被他給吃了 *Хлеб был съеден им ещё раньше*.

В общем и целом, перечисленные (и многие другие) источники (декларативно или на примерах) сходятся в следующем (что, безусловно, верно по отношению к КЯ): а) передача «пассивных» отношений возможна без маркеров, и тогда предложение нейтрально (т. н. условный пассив), б) с маркерами типа 被 /bèi/, и тогда предложение приобретает оттенок негатива, принуждения, негативной реакции, подчеркнутого выделения, официальной безразличности, в) кроме 被 /bèi/ существует ряд синонимичных маркеров 讓 /ràng/, 叫 /jiào/, 給 /gěi/ и др., и возможны «двойные» конструкции, где маркеры типа 被 /bèi/, 給 /gěi/ «усиливают» глагол.

Топиковый характер КЯ. Как мы отмечали, т. н. «условный» или «смысловой» пассив – не что иное, как обычная для китайского языка топиковая стратегия, на что, собственно, и указывали ранее Чжао Юань-жэнь (Chao, 1968) и Ч. Ли, С. Томпсон (1982): топиковый строй (topic-prominent language, 話題優先語言), в принципе, не нуждается в формализации пассивных форм; типичная структура синтаксемы включает в себя характеризующее (topic, 話題) и характеризующее (comment, 說明), а не деятеля (actor, 動作者) и действие (action, 動作), и при таком строе не нужна формализация пассива – она либо избыточна, либо соответствует функциональному стилю, экспрессии, контексту (Ли, Томпсон, 1982, с. 205, 222).

Типология РЯ и банальная метафора. Обобщая высказанные Чжао Юань-жэнем гипотезы, мы уже показали в ряде статей, что один из аспектов подлежащей типологии (subject-prominent language, 主語優先語言) РЯ – господство «банальной метафоры»: такого типа предложений, где, уже неощутимо/привычно для говорящих, постоянно воспроизводится идея действия: *Время летит быстро, За окном идёт дождь, Стоит хорошая погода* и т. д. (Курдюмов, 2023). Это же касается конструкций, которые, согласно логике и «прямому» пониманию грамматики, должны быть пассивными (то есть состоять из объекта в зависимом падеже и пассивного причастия): *Свет включился; Жизнь наладилась; Условия улучшились; Оргстекло хорошо пилится ножовкой*

(для металла); Программа строительства должна составляться федеральной исполнительной властью ежегодно, исходя из потребностей и с учётом возможностей федерального бюджета. Это возвратные (рефлексивные) конструкции, и, исходя из семантики, их иногда называют «пассивными возвратными конструкциями». Но в них нет пассивной формы, падеж «объекта» – именительный (то есть формально – субъект, агенс), формальная семантика глагола – активное действие по отношению к самому себе (включает самого себя, пилит себя, наладила себя, составляет себя и т. д.). Именно с такими, естественными для себя, конструкциями ассоциирует китайские топиковые предложения студент – носитель РЯ:

問題解決了. Вопрос решился (решён).

如果你家電鈴壞了, 就開不了囉. Если звонок в Вашу квартиру (с домофона) сломался (сломан), то (дверь) и не открывается (не открыта) (примеры – из чата жильцов в тайбэйском кондоминиуме, личный архив автора. – В. К.).

Очевидно, ни по грамматике, ни по смыслу в оригинальных высказываниях возвратности нет, носители КЯ никак с возвратными конструкциями их не ассоциируют (для них это абсурд, и в КЯ рефлексив маркируется местоимениями типа 自己 /zìjǐ/ сам, себя).

Кроме того, активный строй РЯ, необходимость формально субъектного действия делают возможным широкий спектр личных конструкций, семантически эквивалентных пассиву, это безличные: *Водой смыло краску, Ветром сорвало крышу, Дедушку знобит с утра*, обобщённо-личные и неопределённо-личные: *Его скоро повысят в должности, Мне настоятельно советовали прочитать эту книгу, Через час позвали к обеду, В палате ещё долго вспоминали его рассказы, Вас ждут в аудитории, Тебе передали книгу*. То есть, как и в КЯ, в нормативном разговорном РЯ формализованные пассивные конструкции избыточны, они «заменяются» активными личными (что не мешает, однако, спонтанную речь строить по топиковому стандарту: *Книга | тебе отдала?* – о чём мы писали неоднократно (Курдюмов, 1999; 2007)).

Эргативность и/или её подобие. Рассуждения о способах выражения/отражения пассивизации в речи неизбежно связаны с понятием эргативности / эргативной типологии. Насколько нам известно, эргативность применительно к КЯ не обсуждалась, применительно к РЯ – большей частью исследовались лишь примеры из диалектов, в частности: *У них уехано в город; У волков здесь хожено* – в северорусских говорах (хотя от таких предложений не слишком отличаются и вполне обычные: *У меня в комнате убрано; У него прочитана уже вся литература; У меня готова научная статья* (топик в родительном падеже со значением падежа местного, глагол в форме пассивного причастия)).

Существуют две точки зрения на природу эргативности: согласно первой (если не вдаваться в детали) – эргативными являются все пассивные и подобные им конструкции, а суть эргативного строя – преобладание таких конструкций в речи, согласно второй же – эргативные конструкции обладают рядом таких черт, которые делают невозможным их объяснение в терминах языков активного/номинативного строя (эргативный и абсолютный падеж и т. п.; подробнее о двух точках зрения см. в работе (Климов, 2016, с. 9-38)).

Специалисты именно по эргативным языкам (кавказские, курдский, баскский, бурушаски, чукотский и др.) обычно настаивают на второй точке зрения. Приводятся следующие аргументы: 1) если пассив в номинативных языках – (лишь) маркированная/инвертированная/«ненормальная» форма, производная от актива, который – типичен, то эргативные конструкции – типичный строй предложения и они не выводимы трансформационно из каких-либо других (Курилович, 1946); 2) исторически эргативные конструкции как строй – предшествуют номинативным, следовательно, последовательно формально отличаются от них (Navas, 2009); 3) в эргативных конструкциях нет ничего специфически «пассивного» (Климов, 2016).

Безусловно, у нас нет достаточных знаний о вышеперечисленных языках, однако если исходить из типологии структур предложений, то более ясной (и понятной/простой) была бы схема, где предложения с той или иной сочетаемостью форм (согласование, управление) и выражением действий можно было бы разделить на два типа: условно активный (номинативный) и условно пассивный (эргативный или подобный ему). Такие языки, скорее всего, должны быть не-топиковыми (принадлежать к остальным трём типам синхронно-диахронной схемы Ли-Томпсон (1982, с. 229)). Если же язык топиковый (или чем более язык топиковый), то проблема снимается (или тем более снимается), поскольку соположение частей и потенциально любой вариант в роли топика (агенс, пациенс и т. д., безразлично) синтаксически требует лишь описания, а не отношения к действию, иными словами, сериализация/эшелонирование (термин Ч. Ли и С. Томпсон (1982, с. 203)) компонентов частично или полностью снимает проблему специального морфосинтаксического маркирования семантического падежа (напомним идеальный пример из грамматики Чжао Юань-жэня 魚吃了 Рыба съела или Рыбу съели (Chao, 1968, р. 98)). Однако в КЯ всё же присутствуют и маркеры пассива, и возможность строить предложение при помощи нескольких вариантов порядка слов (агенс + глагол + пациенс, пациенс-топик + агенс + глагол, пациенс + маркер пассива + агенс + глагол и т. д.), поэтому неизбежно следует говорить о конструкциях или отношениях в КЯ – подобных или эквивалентных эргативным/пассивным. С учебной же точки зрения важна проблема: как толковать, переводить, сравнивать такие конструкции. Более ясная формулировка: если существует пассив, который мы так или иначе считаем аналогом или эквивалентом эргативности, то какие конструкции в КЯ и РЯ наиболее типично соответствуют этому явлению (поскольку оба языка – не эргативные).

Наше рабочее определение: эргативность (подобие эргативности) возникает там, где строй языка требует выражения действия, но субъект действия (в силу строя ли языка, коммуникативной ли ситуации) кодируется как зависимый от глагола (не входящий в предикативную оппозицию «топик – комментарий» в форме «подлежащее – сказуемое»), проще говоря – субъект действия употреблён в некоем косвенном падеже (синтетически) либо оформляется предлогом-аналогом (или иным показателем) падежа (аналитически).

Тогда в КЯ **подобием** эргативности будут формализованные пассивные конструкции с предлогом, а **эквивалентом** эргативности (семантическим, прагматическим, коммуникативным, функциональным), но **не подобием** – топиковые конструкции с выдвиганием пациенса. При этом формализованные пассивные конструкции, если они отличаются от топиковых лишь наличием предлога, станут неким приближением к подлежащему образцу: ср. 水果 吃得差不多了, 該去買些新的 (топик, выдвигание пациенса) vs. 水果 被吃得差不多了, 該去買些新的 *Фрукты съедены почти все, надо пойти купить новых* (топик vs. пассив) (Chuang, Yang, p. 365), то есть в какой-то (незначительной, но ощутимой) степени предлог делает такие предложения более «согласованными» / «менее топиковыми».

В РЯ и подобием, и эквивалентом эргативности будут как чисто пассивные конструкции с причастием, так и варианты «активных»: упомянутые выше возвратные, безличные, обобщённо-личные и неопределённо-личные.

Результаты можно отразить в виде следующих двух схем (Схема 1 и Схема 2).

Схема 1. Типология: типичные способы выражения пассивных и эквивалентных им отношений в КЯ и РЯ

Схема 2. Формализация пассивных отношений в КЯ и РЯ

Заключение

Проанализированы наиболее важные источники, системно объединены подходы и представления, на типичных примерах показана специфика категорий, в том числе с учётом опыта повседневного общения и преподавания на языке гоюй.

Проведённое исследование достигло поставленной цели и позволило сделать следующие выводы: в китайском (топиковом) и русском (подлежащем) языках выделены наиболее типичные способы грамматического выражения пассивизации (построения конструкций, подобных или эквивалентных базовым в языках эргативной типологии). Установлено, что помимо (не слишком употребимых в разговорной речи, маркированных) формализованных пассивных конструкций (РЯ: пассивное причастие + потенциальная связка; КЯ: предлог/частица-полупрефикс + глагол с грамматическим/лексическим/контекстуальным указанием на совершённость действия) в КЯ наиболее естественными и употребимыми являются топиковые конструкции с пациенсом в начальной позиции, по формальным признакам не слишком отличающиеся от условных «активных», а именно агенсных (茶碗打破了 vs. 我打破了茶碗) – без специальной пассивизации глагола, т. е. немаркированные, в РЯ наиболее естественными и употребимыми являются аналоги эргативных: возвратные, безличные, неопределённо-личные и обобщённо-личные. Данные характеристики могут рассматриваться как составные части комплексного типологического облика КЯ (изолирующего, топикового, не-эргативного) и РЯ (флективного, подлежащего, не-эргативного).

Перспективы дальнейших научных изысканий: расширение исследований отношений пассивизации, пассивного залога и подобных им применительно к другим стандартам («диалектам») китайского языка, в частности к гонконгскому кантонскому и тайваньскому миньнаньскому, дальнейшее изучение отношений пассивизации в разговорной речи китайских языков гоюй и пугунхуа, создание более комплексного научного описания грамматики китайского языка.

Источники | References

1. Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. М.: Издательство иностранной литературы, 1954.
2. Задоевко Т. П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. М.: Наука; Восточная литература, 1993.
3. Задоевко Т. П., Хуан Шуин. Учебник китайского языка. М.: Цитадель, 2002.
4. Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М.: URSS. 2016.
5. Курдюмов В. А. Движение нормы русского языка: анализация как топикализация // Русский язык: диахрония и динамика языковых процессов; функциональные разновидности русского языка: мат. XI конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (г. Варна, 17-23 сентября 2007 г.). София, 2007.
6. Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М.: Военный университет, 1999.
7. Курдюмов В. А. Курс китайского языка: теоретическая грамматика. М.: Цитадель; Лада, 2005.
8. Курдюмов В. А. Метафора в русском и китайском языках: типологический аспект «банальности» // Journal of Russian Philology. 2023. Vol. 32.
9. Курдюмов В. А. Предисловие // Задоевко Т. П., Хуан Шуин. Учебник китайского языка. М.: Цитадель, 2002.
10. Курдюмов В. А. Тайвань: языковая ситуация и особенности национального языка. Фонетический аспект // Российский журнал исследований билингвизма. 2021. № 1.
11. Курилович Ю. Г. Эргативность и стадийность // Известия Академии наук СССР. 1946. Т. V. Вып. 5.
12. Ли Ч., Томпсон С. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике / сост., ред., вступ. ст. и коммент.: А. Е. Кибрик.
13. Тан Мэн Вэй. К вопросу о различиях фонетической системы китайского языка в материковом Китае и на Тайване (в аспекте преподавания китайского языка как иностранного в России) // Преподаватель XXI век. 2020. № 3.
14. Тан Мэн Вэй. Китайский язык в Китае и на Тайване: особенности лексического строя и проблемы его изучения // Языки в полиэтничном государстве: развитие, планирование, прогнозирование: докл. и сообщ. междунар. конф. М. – Улан-Удэ: Институт языкознания РАН; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2019.
15. Chao Y. R. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley: University of California Press, 1968.
16. Chuang A. H. C., Yang H. From Translationese to Emergent Irony: A Usage-Based Approach to Chinese Bèi Passive // Concepts, Discourses, and Translations / ed. by B. Lewandowska-Tomaszcyk, M. Trojszczak. Cham: Springer, 2022.
17. Navas F. Полуаккузативная конструкция русского языка и её значение с исторически-типологической точки зрения // Studia Russica XXIII. Budapest, 2009.
18. Li Ch. N., Thompson S. A. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Taipei: Crane Publishing, 2018.
19. Proshina Z. G., Nelson C. L. Varieties of English and Kachru's Expanding Circle // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24. No. 3.
20. Yip P.-Ch., Rimmington D. Chinese: A Comprehensive Grammar. L.: Routledge, 2015.

21. 劉靜宜. 漢語語法學. 台北: 新學林, 2019 (Лю Цзин-и. Китайская грамматика. Тайбэй: Синь Сюэ Линь, 2019).
22. 屈承熹. 漢語功能篇章語法. 台北, 2010 (Цюй Чэн-си. Функционально-дискурсивная грамматика китайского языка. Тайбэй, 2010).
23. 當代中文語法點全集 / 鄧守信編著. 台北: 聯經, 2019 (Полная грамматика современного китайского языка по алфавиту / под ред. Дэн Шоу-синя. Тайбэй: Лянь Цзин, 2019).
24. 舒兆民. 現代漢語語言學概要. 台北: 新學林, 2021 (Шу Чжао-минь. Очерк современного китайского языкознания. Тайбэй: Синь Сюэ Линь, 2021).
25. 黎錦熙. 新著國語文法. 上海: 商務印書館, 1924 (Ли Цзинь-си. Новая грамматика национального языка. Шанхай: Шаньгу Иншугуань, 1924).
26. 何萬順. 論台灣華語的在地化 // 澳門語言學刊. 2010. № 35.1 (Хэ Вань-шунь. К вопросу об индигенизации тайваньского китайского языка // Лингвистический журнал Макао. 2010. № 35.1).

Информация об авторах | Author information

RU**Курдюмов Владимир Анатольевич¹**, д. филол. н., проф.¹ Московский городской педагогический университет**EN****Kurdyumov Vladimir Anatolievich¹**, Dr¹ Moscow City University¹ vkplans@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.08.2023; опубликовано online (published online): 11.09.2023.

Ключевые слова (keywords): типология; пассивные конструкции в китайском языке; пассивизация; эргативность; топик – комментарий; typology; Chinese passive constructions; passivisation; ergativity; topic – comment.